

Чердак абсурда

(Не)молчаливы
е слова

16+

Чердак абсурда (Не) молчаливые слова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66028467

SelfPub; 2021

Аннотация

Этот рассказ не претендует на точный реализм или на необыкновенный смысл. Однако здесь прослеживается борьба серости и красок воображения, понимания о не понимание мира, но самое важное то из-за чего создавался весь, быть может, абсурд – ответ на вопрос: " Каковы возможности слов?" Удалось ли простому герою понять эти возможности и рассказать вам? Это уже вы сами ответите в своем молчание.

Чердак абсурда

(Не) молчаливые слова

Ветер свежестью играл листьями деревьев, трава щебетала при взмахах крыльев, прилетающих птиц. Солнце скользило по молчаливому и бездвижному озеру, как по льду. И в этом уединение созерцал Григорий, сидя в старой беседке городского парка. Он часто приходил сюда в часы раздумий. Однако сейчас, при созерцательном виде, он все же уже ни о чем не мог думать, а если и появлялась какая-то мысль, то как он сам считал, она уже вся передумана. Обычное дело человека, который полностью погружен в рутину, и вместе с тем мысли его уподобляются реальности. Наверное, с этим многие не согласятся, учитывая, что сейчас часто можно услышать утверждает о силе сознание, определявшие бытие, но и я, наверное, был бы рад стать оппонентом того утверждения как слабости мысли, однако мои рассуждение тут не так важны, как того, кто вообще начал все это записывать в небольших заметках, и что вы сейчас читаете. Дождик начал играть беспокойную мелодию на воде, и маленькие капли взбушевали все озеро. Исхудалая крыша беседки не спасала Григория от дождя. Он пошел быстро на станцию, чтобы чемоданы не сильно намокли, когда же он добрался – увидел уезжающий автобус, на котором недавно приехал.

Почему он вернулся, когда нужный дом находился ближе

– человеческая чувств загадка. Сам же он говорил, что ему было чрезвычайно волнительно оставаться наедине с этой хмуростью города: это даже доходило до боязни к новому месту, но что всё же идя к станции, он твердо знал, что не уедет.

Город он посетил по причине родственной. Его тетья в сорок лет испытывала уже трудности с ногами и с жалобой обращалось ко многим, что не может ухаживать за своим запущенным садом, а тот ещё у Григория был отпуск, да и он уже с самого своего детства не уезжал из своей родины. Итак, причины шагали за прочными, что, собственно, он с чувством интригующем отправился в новый город.

Как только он пришел домой, то сразу пошел в комнату. Могут заметить, дом этот был с недорогостоящим ремонтом, но очень презентабельным. Снаружи сделанный из кирпича, в коридоре и гостиной пол из белой плитки с греческим узором, стены покрашены в бело-сероватый цвет, кухня была так же в сером тоне. Этажом выше располагались две комнаты, и ещё был чердак. Пробыл он с тетей несколько минут. Встреча их может показаться необычной, но на самом деле, это, пожалуй, и есть для многих самая обыденность. Тут Григорий оставил некоторые комментарии к этому.

«Нина Александровна в начале знакомства была нахмурена. Ни о чем не спрашивала, даже не заметила, что я во весь наш разговор молчал, однако это не так ни обычно. Рассказав же всё о себе, и что надо делать мне, потом спроси-

ла, чтобы заполнить тишину: «А что ты молчишь?» И тотчас махнула рукой, отвечая на телефонный звонок», – писал Григорий.

Он дошел до комнаты для гостей, разложил свой чемодан и уснул. Утром по указу Григорий стал ухаживать за садом. С некоторою небрежностью и ленивостью он поливал цветы, покрасил деревья и сделал фотографии. «И место желает, чтобы кто-то видел в них красоту, тем более цветы», – думал он, сделав снимок, на котором было одно сухое дерево, стоявшая рядом со свежими цветами. Бархатные краски тянулись к солнцу, устало проживая под темными ветками дерева.

К этому времени тетя с гостями очень шумно спорили. Она уже давно не принимал гостей, как она считала, из-за небрежной территории, однако и была любительницей поболтать, но всё равно не могла себе позволить такого беспорядка перед другими, а теперь над садом стали снова работать, поэтому и не глупо пригласить.

«Все говорят, говорят, говорят и не слышат себя, каких других!» – думал Григорий, походя раздраженно к небольшому столу. Некоторые моменты дискуссии им были услышаны.

– Ну снова вы не правы. У вас что ли язык против мысли бунтует! Сим-карты облучают мозг так, если бы мы голову положили в микроволновку, поэтому лучше полностью отказаться от них, чтобы голова не болела, – размашисто го-

ворил Святослав, и успокоившись, с поучительным вызовом спросил, – вот почему раньше в телефонах прошлого века не было сим-карт? А потому, что программа уничтожения сейчас.

– Ох, не знаю, – без интереса ответила Нина Александровна и продолжала доедать шоколад.

Ученый без степени заметив безразличие, нахмурился и убрал после ответа слащавую улыбку.

– Ооо, вот и ещё другой гость, – сказала пожилая женщина, указывая тети пальцем на Григория.

Обернувшись, Нина Александра улыбнулось и в тоне её звучала уже приветствие.

– Я Григоряна тетья, а это моя соседка Татьяна, – указала она на старую женщину, пившую чай, потом небрежно показала на другого собеседника, как бы к слову. – Это её сын Святослав.

Татьяна улыбнулась и кивнула Григорию.

– Ну знакомы будем! – воскликнул Святослав, протянув свою руку, словно медвежью лапу, новому знакомому.

Он молча пожал руку и сел за стол к завтраку. Григорий безучастно продолжал есть, но за столом больше никто не спорил. Крепкого, неуклюжего телосложение Святослав, с красной кожей и полноватым лицом, думал, как найти потерянную тему разговора, но завидев фотоаппарат, висевший на шеи у Григория, начал думать, чтобы спросить об этом.

–Пытаетесь запечатлеть наши красоты? – сказал он, кивая

на фотоаппарат.

Фотограф утвердительно кивнул, доел бутерброд и стал пить чай. Святослав споткнулся об молчание, но непринуждённо оживить попытку знакомства смогла Татьяна.

– Ко мне сегодня два брата приехали. Ну Святослав и его двоюродный брат, – объяснила она новому собеседнику.

– Ну, я недалеко отсюда живу, так что можно сказать пришел. А вот Антон приехал, несколько лет тут не было, – перебив её, оживленно продолжал Святослав. – Ну понятно почему сейчас ему интересно было приехать на старую площадь, – с грустью уже проговорил он.

– Началось! – вздохнула Татьяна.

И снова в саду стали искриться слова: ответы без вопросов.

– Эти только ездят к наживе, – разгорячённо добавил Святослав.

– Ты что ли равнодушен к деньгам? Расстроился, что он хочет забрать, потому как за все лето ни слова об Антоне. Рыцарь крестьянский, – насмешливо заметила Нина Александровна.

Их слова пытались ранить на столе поле боя друг друга, и Григорий не обращал уже давно внимание на этот шумовой фон.

«Как однообразно, словно помехи. Интересно их мысли действительно отсутствуют в словах. Совершенно они не понимают, как разбрасываются ими и их важность становится

не лучше, чем жужжание мух». – подумал он, вставая из-за стола.

Его уход остался незамеченным, только потом, когда их спор резко закончился, Татьяна спросила: «Не глухонемой ли, а?» Но Святослав сразу отвергнул эту теорию сказав, что он при вопросе же ему кивнул, и на этом всё воспоминание стерлось.

Фотограф пошел по городу, рассматривать его части через объектив, но так ничего важного и не попадалось. Он только заметил удивительный городской контраст. По левому и правому боку неровного асфальта стояли жилые частные дома. Одни, и их тут популярность больше, были покрыты зеленым или белым пластиком, который эмитирует дерево, через дом встречались уже совсем ветхие, деревянные дома, когда-то построенные с искусной резьбой у окон и покрытые в свежей зеленой, голубой цвет; теперь они заменены временем на потрескивающей краску, немного подгоревший или сыроватый вид, перекошенный фасад, словно пизанская башня, некоторые притоптанные уже в землю, которые пытаются, быть может, лечь в неё, где давно уже хранятся их строители и первые жильцы. Через таких несколько домов появлялись новые, возвышенные, дорогие похожие на замки. Из всех прочих домов они выделялись своей площадью и этажами. Один покрашенный в темно-зелёный цвет, верхние этажи его конусом уходили к небу, пластиковые окна блистали под солнцем. Железный забор скрывал, словно

занавес, от остальных домов. И темные зеленые ели укрывали его от лучей и дождя. Снова дальше идут пластиковые дома и там другой такой же замок, только немного поскромней предыдущего: покрашенный в розовый цвет, с отделённой брусчаткой на тротуаре. Дальше вереница из старых деревянных домов, пластиковых и тут ухоженный желтый дом с большим окном и забором. Так странное отличие идет постоянно. «И такое различие, отчуждение, держащие на одном, всегда было и, наверное, будет. Возвышение над пропастью других», – записал Григорий.

Он немного отдохнул на лавочке и когда уже было начал её покидать, его кто-то позвал. Григорий не сразу понял откуда был источник звука, к своему удивлению, он увидел, что на лавочке с ним был человек солидного возраста, в белом костюме, держа в руке трость. Хотя, когда он только пришел сюда – никого не было.

– Вы фотокорреспондент? – опять спросил он.

Вопрос заинтересовал Григория, но он не понял, чем именно. Этот отдыхающий не вписывался в этот город, словно его вырезали из модного журнала 20 века и с забавой приклеили лишь к этой коричневой лавочке. Легкая улыбка на спокойном лице, выражала совершенное равнодушие, что даже показалось, будто вопрос задал кто-то другой. Фотограф отрицательно помахал головой.

– Что же тогда? – спросил он, улыбнувшись.

– Просто фотографирую, – ответил Григорий.

– Похвально. Значит, искусство. Могу сказать, где интересный пейзаж. Однако цифровой кадр никогда не превзойдёт полотно, – с простодушием проговорил он. Григорий заметил, что голос его странного критика обладал каким-то гипнотическим свойством: его можно слушать долго, но стать ораторам обладателю такого голоса никогда не получилось бы, потому что смысл терялся в этой интонационной путанице. Вдруг собеседник молча встал со скамьи и пошел в ту сторону, откуда недавно пришел Григорий. Отставать от своего нового знакомого он совершенно не хотел. Так, дойдя до него, фотограф хотел было спросить о пейзажном месте, как новый знакомый опередил его ответом.

– Пройдите эти дома, и там за городом есть живопись. Можете пройти немного со мной. Всё равно по пути, – с лёгкостью озвучил он мысли на не услышанный вопрос.

Они в молчание прошли несколько минут, и редкое перебивание тишины шорохом листьев – напомнило Григорию о недавнем замечанье своего собеседника.

– Вы тогда сказали, что фотографии пустоватое место по сравнению с кистевым творчеством. Ну вы ошиблись. Это другое, поэтому неверно. Фотография способна запечатлеть реальность ясную и не приукрашенную воображением художника, в ней порядок истинный, которую может показать она через несколько веков. А подумать только о картинах эпохи ренессанса. Художники пишут о божественном, хотя что творилось в это время. Фотограф может придать худо-

жественный образ в фотографии, но никогда не исказит настоящие, – проговорил он.

– В этом вся печаль, что фотоаппарат может запечатлеть только реальность, – невозмутимо прозвучал ответ.

Они прошли ещё несколько минут в молчание. По дороге шел грязный, немного побитый человек. Он смотрел прямо, без целей и эмоций в глазах, словно вместо них через пространство глядели стекла. Григорий чуть не упал, когда этот бездумный механизм задел его плечом и за ним шел худой, одиннадцати лет мальчик, который заворожённо рассматривал небо.

– Грязновато тут, – заметил новый знакомый. – И вообще в стране, – договорил он.

Григорий удивленно на него посмотрел.

– Где же хорошо?

– Например на западе. Каждый улыбается, обладает культурой и там не встречается невежество такое, потому что менталитет. А русские терпеливые, забывчивые: покажи праздник какой – они и репутацию тебе отбелят. Не добиться с такими примитивными высот. Разумеется, есть популярные в вашем медиапространстве, но это потому, что они сами добиваются своего капитала.

«Ученый не будет думать о яблоке и его протяжение, если ему нужно съесть его. Однако эти и примитивные за счет примитивности других, обманом возвышаются над ними. Он убеждён в необъятное мышление попсы, которое ме-

няет окружение вокруг», – думал молча Григорий.

Собеседник что-то ещё иногда говорил. Они уже подошли к таинственному месту, и вот бескрайние поле солнца, плававшие в голубом небе и уходящие в бесконечность. Золотой цвет засверкал в удивленных глазах. Ветер легко танцевал по солнечной части земли и слабо уловимым дуновением звал сюда путешественников.

Можно было созерцать до вечера сияние цветов и не хотелось рушить эту магию света, чтобы только оказаться ближе к этим стеблям, на которых держались подсолнухи.

Поклоническое молчание нарушил собеседник.

– Вы охвачены видом, что даже ничего не можете сказать. – заметил он.

– Слова чужие для чувств. Никогда их возможности не разгадают тайну сердца человека и не сможет её проговорить. С ранних лет я понял, что человека мало слушают и ещё больше вообще не понимают. Круги Эйлера точно это показали: всю многогранность мыслей не вместить в слова и остается только маленький овал, щелочка, чтобы прикоснуться к миру.

– Не соглашусь. Вы забыли, как слова спасали страны, помогали морали, воодушевляли на подвиги, и были опасней меча. Но я понял, почему вы так молчаливы – вы не верите в возможности слов, – высказал собеседник.

Утром Григорий убирался в саду, и когда он было немного отдохнул в беседке, смотря на вчерашние запечатления бес-

крайнего моря из солнечных цветов, послышался гомон из соседнего дома, где была Нина Александровна, но в отличие от остальных дискуссий и возгласов, возникавшие каждый раз при гостеприимстве – этот шум не утихал. Григория отвлекала соседская ссора и через некоторое ожидание её прекращения, он заметил, что стал прислушиваться, что было ему не свойственно в обычных перепалках соседей.

Раздражена придя в дом, он увидел Татьяну и Нину Александровну, однако он собрал всё своё внимание на Святославе, пытавшегося ударить вчерашнего знакомого Григория. Завидев новое лицо, он успокоился, кинул из рук тарелку, и все через несколько минут молчания сели за стол, кроме тети и соседки.

Новый знакомый представился именем Антонио. Святослав же постоянно поправлял его на обычное имя Антон. Эти родственники были совершенно разными ни только внешне, в одежде и возрасте, но и в характерах. Они обсуждали дом умершего дяди. Ссора, а может, что крупнее ссоры, начиналась из-за словесного задиранья.

– Этот западник весь домик стариков себе прихапать хочет и на его место хочет виллу сделать себе – объяснил Святослав.

– Снова колхозник хочет показать признаки кого-то интеллекта, – заговорил скучноватом видом Антонио. – Дом по всем законам мой, а этот его пропьёт за три бутылки, да ещё Татьянин дом хочет получить. Он уже её не видит, только

площадь.

Нина Александровна и Татьяна всё ещё успокаивались, тяжелее конечно избавиться от волнения было кроткой Татьяне, так что многое они не слышали. Григорий понял, что Святослав уже в не первой свежести настроения и убрал подалежку все предметы, чтобы пылкость не задела никого.

– Он ведь в первый встрече начал за всеми следить, – воскликнул Святослав. – Записывал что-то, как он говорит, для фигни свой. Спрашивал, что вы думаете и все смеялся при ответе. Ещё поправлял постоянно, где ударение не там. Да все смеются уже над этим. Какой-то разукрашенный индюк учит. Не работает, с книгами какими-то возится, даже не служил: не положено по здоровью и ста-а-атусу. Сколько, посмотри, на пальцах перстней, как у цыганок. По телевизору верно говорят, что запад мозги всем перебрал. Я точно знаю!

От своей тирады Святослав ещё больше разозлился на Антона. Когда все молчали, Святослав во все время своего разговора обращался к Григорию, но смотрел и ждал ответа брата, который совершенно не слушал и был занят рассматриванием своих колец, однако закончив, он начал улыбаться.

– У тебя проблемы с речью, а я как интеллигент пытался помочь. Ну а ответы местных действительно глупы, не посмеются над глупостью была бы ложью, а её тут и так достаточно. Записывал это я свои наблюдения, надо же понимать, когда сходишь с ума, если находишься с сумасшедшими, – смеясь проговорил он. – Сторожили ни в чем не понимают

и смотрят только телевизор, но забавно, что они и телевизору не верят, считают себя с научной степенью и смеются над телевизионными ответами. Слышал про опасность сим-карты? – обратился снова он к Григорию. – Все смеются над Святославом, потому что ты смешон, но «индюк» интересное замечание. Мой же гардероб стоит примерно твоей зарплаты за 40 лет. Гляди сейчас возьму сим-карту, – начал он снова говорить немного помолчав, – на тебя направлю луч облучения и умрешь. Не от водки хотя бы, поэтому можно поблагодарить. Сколько в таких головах самомнения и нелепости. Из-за вас вся страна погружена в слякоть, грязь, бескультурье, а там, где её нет, так и погружена в ложь, невежество, – продолжал говорить Антон.

И он долго ещё перечислял бы, как всё задыхается от этой смердящей массы лжи, достигшая уже таких пределов, что обманутые себе начинают лгать, но выпустить все нарывы души, воспаленные ложью не удалось: Святослав перевернул стол, послышался грохот, и весь пол содрогнулся, Григорий отскочил к двери. Под разрухой без движений упал Антон.

Всё долго ещё стояли, словно время застыло. Только Григорий в тишине озарил вспышкой фотоаппарата дом. Вместо подсолнухов теперь был упавший стол, поломанная лавочка, Антон, сливавшийся с грязным полом, застывший Святослав и окно, озарявшие единственный свет.